

Воспоминания

Вступление

У меня давно созрела мысль записать рассказы моей мамы Ханы-Шейны (1906/08-1968) и папы Аби (Аба) (1906-1975), которые были услышаны мной в детстве и юности и которые представляют интерес моим детям, а может быть и другим.

Будучи неплохим рассказчиком, я многократно рассказывал эти истории своим друзьям, знакомым и, конечно же, детям, вызывая живой интерес. Но хороший рассказчик еще не писатель. Да и я больше читатель, не как тот "чукча-академик".

Первоначально была мысль записать только факты, но учитывая эмоциональность историй, это довольно трудная задача. Поэтому я пишу так, как ощущаю, да и простит меня читатель, если все последующее – инфантильный бред. Я могу ошибиться в исторических фактах, поскольку хочу записать то, что слышал и как ощущаю все это сейчас.

Немного о себе. Я, Амнон-Юзеф, дитя своего времени. Мой дед по матери Мейше-Арон (1873-1955) был ортодокс. Мои родители, соответственно своему времени, – почти атеисты. Я же к сорока годам понял, что не могу признать себя неверующим. Мои познания в религии и в иудаизме, в частности, почерпнуты из атеистической литературы советского времени и из русскоого перевода Горы и её комментариев. В силу этого я профан в религии и записываю как чувствую, понимаю и знаю.

Да простит мне Господь моё неведение. Надеюсь, что никому не нанесу вреда.

Корни

Мейше-Арон бен Абрахам (1873-1955)

1. Шапка¹

Вчера /7.08.2000/ был на могиле деда Мейше и выполнил своё давние желание, положил на его могилу камешек из Иерусалима, который привез оттуда мой сын Рон (1971).

На протяжении многих лет довольно часто бывал в Тарту и всегда чувствовал угрызения совести, поскольку не знал, где был похоронен мой дед – сильная личность, меценат, один из богатейших купцов Тарту, признанный глава клана, которого уважала вся еврейская община, отдав ему в синагоге первое место у восточной стены.

Однажды, мне тогда было около тридцати, мой партнер по бриджу пригласил меня к своим друзьям. Это была компания еврейской молодежи в Таллинне, лет на семь моложе меня. Мы весело проводили время, как вдруг в комнату вошел отец семейства, известный и почитаемый в городе провизор. Он подошел ко мне познакомиться и сказал, что жил в доме моего дедушки и благодаря ему смог закончить университет. Я ничего не сумел ему ответить, да что можно было сказать. Но и тогда, и теперь я искренне благодарен этому пожилому человеку, который счел необходимостью познакомиться с внуком своего покровителя.

Лет двадцать тому назад, будучи очередной раз в Тарту, позвонил своему брату Илону (1936) в Таллинн, чтобы узнать на каком кладбище похоронен дедушка. Брат знал только, что кладбище находится рядом с шоссе на Канеппи. Мои тартуские коллеги подтвердили, что по

¹ Религиозные евреи повседневно носят шапку, что символизирует смирение перед Всевышним. В миру – обязательна при молитве, праздниках и на кладбище.

дороге на Канепи, на выезде из Тарту, действительно есть еврейское кладбище, которое я легко нашел.

Кладбище было маленькое, несколько сот могил. Но это не упрощало мою задачу, поскольку среди них я должен был найти место упокоения деда, не зная существует ли какая-нибудь надпись на камне, кроме древнееврейской. Я начал планомерно проходить ряды могил. К счастью, камни с только древнееврейскими надписями попадались редко, только на очень старых могилах.

Прошел все кладбище – никакого результата. Пришлось начать сначала. Затем еще и еще, и еще раз. Проходя так час-полтора я, совсем отчаявшись, начал подумывать: "а здесь ли похоронен мой дедушка". Ведь в Тарту существует еще одно еврейское кладбище.

Полностью потеряв надежду, раздумывая над неудачей, пошел к машине и, когда сел в нее, мой взгляд упал на шапку, лежавшую рядом, на переднем сиденье. "Попробую еще раз" - решил я, надев шапку. Быстро прошел кладбищенские ворота, непонятно быстрым шагом прошел несколько могильных рядов, самому непонятно как свернул в один из них, быстро прошел еще несколько могил и вдруг резко остановился... Черный гранит на бетонном основании вокруг могилы с надписью: М.А.Каменовский 12.02.1873 – 4.02.1955. И, конечно, длинная древнееврейская надпись.

Зельма (Злата-Малка) Каменовска (урожд. Клас-Гласс) (1876-1913), Мейше-Арон Каменовский (1873-1955), Анна Каменовская (1902-1943)

Много лет позже, как-то случилось отвезить в Тарту двух тетушек моей жены Аннели (1947). На обратном пути заехали к "дедушке", чтобы положить ему камешек из Земли Обетованной. Имея довольно хорошую способность к ориентированию, на кладбищах я вечно плутаю. Но дорога к могиле деда у меня как бы запрограммирована.

Долгие годы я радовался тому, что на могиле деда стали расти дикие ландыши, которые в конце концов покрыли всю могилу. Мне помнилось, из рассказа Маши, маминой мачехи, что дедушка был против цветов на могиле. Теперь же это был естественный компромисс. Но несколько лет тому назад "молодые активисты" из еврейской общины покрыли старые могилы гранитной крошкой, подложив под нее пластиковую пленку. Сделали это "пионеры" небрежно, могилы стали зарастать сорняком, поскольку регулярно ухаживать за ней нет возможности. Да и, возможно, нет необходимости, поскольку посещение могилы у евреев не столь обязательно, главное это молитва за упокой души.

Аннели, увидя сорняки, стала привычно пропалывать могилу. Так ею уже было проделано сегодня на могилах ее мамы и бабушки. Я остановил Аннели, сказав, что этого не

надо делать, у нас и так мало времени, да и пустая это трата времени. Главное, положить камешек и прочесть молитву. Аннели нехотя перестала полоть.

Я положил камешек на край могилы, под пластикат и стал про себя читать молитву. Прочитав молитву, вдруг совершенно отчетливо слышу, как знакомый, бурчащий голос говорит мне: "Что вы стоите, уберите здесь".

Прибрав могилу, насколько это было возможно, на обратном пути в Таллинн рассказал Аннели об этих двух мистических случаях, связанных с могилкой моего деда.

2. Бар-Мицва²

Зима 5647 (1886) года была очень снежная. В месяце ниссан (март-апрель) снега было еще так много, что даже на большой, часто ездимой дороге, Пфефи двигалась с трудом. Сугробы, сугробы, метель и метель, затем опять сугробы, сугробы и метель, метель. Пфефи – любимая лошадь Мейше, его гордость, была очень вынослива, и, несмотря на полностью загруженный воз, силой пробивалась через сугробы. Мейше купил ее с отцом в складчину год тому назад, отдав все свои накопленные деньги.

"Боже, только не было бы волков, тогда, возможно, завтра были бы дома – в Сейнах и можно было бы спокойно готовиться к Пейсаху³" - думал Мейше.

Это была его первая самостоятельная поездка в Варшаву. Отец, которого Мейше всегда сопровождал в деловых поездках, уже долго болеет, а перед выездом совсем слег. Так что пришлось ехать Мейше одному. До Варшавы добрался он с польским обозом. Страшно было - возьмут да заберут у "младого жиденка" деньги и лошадь с возом выделанной кожи.

Ходили слухи, что из России появились какие-то разбойники, хотя разговоры о разбойниках в этих местах были обычным делом. Были они из России, или поляками, или даже обедневшей польской шляхтой, Мейше не знал, но все равно было страшно. До сих пор Бог был милостив. Теперь-же страшнее всего были волки. Запах сырой кожи, развеянный весенним ветром на многие версты да и голодная зима придавал волкам смелости и наглости.

До Августова Мейше ехал с обозом, повезло даже до Сувалок, домой ехал мясник Арошка. Только от Сувалок не было попутчиков. "Боже мой, как страшно" думал Мейше, молясь непрерывно, шепча молитву за молитвой, перебирая по памяти Тору.

"Почему надо всего бояться: волков, поляков, полицейских, шляхту, ксензов? Почему в Варшаве нельзя ходить по всем улицам? Почему в трактире надо сидеть в дальнем, темном углу и ночевать в хлеву с лошадьми? Почему? Нет так жить нельзя! Нельзя быть "бойся жида"⁴

Сразу после Хедера (начальная школа, для мальчиков обычно с четырех лет) отец Абрам стал брать с собой Мейше, куда-бы ни требовало их дело. Но теперь он был один. Слава Богу, он уже взрослый мужчина, хотя не прошло еще и двух месяцев, с тех пор как отец дал Мейше сто рублей на Бар-мицве и, положив руки на его голову, сказал: "Теперь ты полноправный мужчина, начинай свое дело. Да поможет тебе Бог и даст тебе удачи."

Да, слава Богу, Мейше был удачлив. В Варшаве ему удалось в нескольких мясбойнях скупить очень хорошую сырую кожу. Конечно, приходилось везде торговаться, спорить, доказывать. Всем хотелось заработать на мальчишке, надо было считать каждый грош, потому что хоть сто рублей - очень большие деньги, но и они могут утечь сквозь пальцы, если не считать каждую копейку.

В одном трактире, по дороге в Варшаву, стали смеяться над его обособленностью, а потом позвали играть в карты. И, да простит Господь Бог, он проиграл пять рублей.

² сын заповеди (арамейский) Достижение мальчиками совершеннолетия, в возрасте тринадцати лет и одного дня

³ один из важнейших еврейских праздников в память исхода евреев из египетского плена примерно 1600 году д.н.э.

⁴ пугливый еврей (пол.)

"Но я мог проиграть и больше! Боже мой, я клянусь, никогда в жизни не брать больше в руки карты!" сказал тогда себе Мейше. И это было слово мужчины, данное на всю жизнь!

Да, Мейше был удачлив. Да и как могло быть по другому? Ведь Мейше знал дело! Он с гордостью думал, как примет его отец, как начнет причитать и ругать за слишком дорогой товар, станет называть его "сракуном". Но Мейше все равно увидит в глазах отца хитрую искорку, которая скажет ему: "Все хорошо, слава Богу, у меня достойный преемник".

Да Мейше был удачлив и смышлен. И, возможно, если бы не было дела, стал бы Мейше изучать Тору и, с Божьей помощью, стал бы талмудистом. Но, видимо, не судьба. Знатком Торы станет, может быть, его младший брат Борух (1875, будущий американский миллионер из посудомоек). Вначале учеба брата в хедере никак не продвигалась. Какие фокусы только не выделывались: мама пекла ему печенье в виде букв, которое мазали медом, посыпали сахаром и маковыми росинками, но Борька выучился читать только через год. Сейчас, несмотря на Борькины выкрутасы, реб Цви даже иногда хвалит его. Наверное, просто боится потерять хорошо оплачиваемого ученика. А то поставит отец Борьку за барабан и останется он там на всю жизнь, несмотря на причитания матери. "Не можешь учить Тору, будешь крутить барабан," - говорит отец Абрам. Отец был непреклонен, как и дед Арон и прадед Мейше. Отец говорит, что слова "бойся жида" - были первые польские слова прадеда. И еще говорят, что Мейше Нейштейн (новый камень - по немецки) поселился на окраине Сейны, когда был вынужден бежать из Саксонии, не имея ни денег, ни скарба, только передаваемые из поколения в поколение умения и знание дела, да и тайна "нового камня" при помощи которого обрабатывают кожу. Говорят, что тайну эту получили их предки еще в Испании от арабских ремесленников. Благодаря этому, выделанная кожа Каменовских, (новый камень - по польски) так теперь их звали, была лучшая в Польше. Да и не только в Польше. Выделанную кожу Каменовских охотно покупают и в Германии, но только через посредников и с маленькой прибылью. Зато на востоке, в Лифляндии, их товар раскупали быстро. Особенно хорошо удавалось заработать в Риге и в Юрьеве, где Мейше побывал с отцом в прошлом году.

В Юрьеве тоже живут евреи, но их там мало, всего сотня семей - ведь все-таки вне "черты оседлости" (территория проживания евреев, за пределами которой они не имели права расселяться за исключением николаевских рекрутов, купцов первой гильдии и с высшим образованием). Да это и вполне понятно, поскольку в Юрьеве новая синагога и университет. Синагога была скромная, зато университет - огромный. В университете говорят только по немецки да и евреям туда почти невозможно попасть. Мейше не успел приблизиться к большим колоннам университета, как несколько молодых немцев, с рапирами в руках и криками "stinke jude" (вонючий еврей) бросились на него. Испуганный Мейше бежал без оглядки так долго, что потом насилу нашел дом, в котором они остановились.

Но не все в Юрьеве такие злые. Тамошние евреи доброжелательны, живут зажиточно, но скромно. На шабес их пригласили в семью Клас-Гляз, родственников местного раввина Кропмана. Там было много детей и много красивых девочек. Многие из них были светловолосые, как и Каменовские, что, как говорят, считается следом недавнего пребывания предков в Италии или даже Испании. Но папа запретил глазеть на девчонок. Только когда девочки пели, Мейше исподтишка смотрел на них. В этой семье все красиво пели, а под конец отец семейства так разошелся, что стал играть на скрипке. В той семье, кажется, все были музыкантами, а один предок даже был капельмейстером в военном оркестре, отслужив николаевским рекрутом двадцать пять лет, получив, таким образом, разрешение жить вне черты оседлости, в Юрьеве.

Но оставаться в Юрьеве было опасно, городской уже заметил их и, если они попадутся ему на глаза еще раз, то во избежание неприятностей, придется дать ему большие деньги. К счастью, кожа была уже продана и они могли тронуться в обратный путь. Но почему-то Мейше очень часто вспоминал Юрьев, его синагогу, университет и тайком, чтобы не рассердить Бога, - девочек.

Стало смеркаться. Где-то далеко волки начали опять свое жуткое и однообразное завывание. Иногда эта страшная волчья песня казалась причитанием старого Ицика, подмастерья отца, который дни напролет стоял у барабанов и стонал от боли в спине и коленях. Мейше задремал, сон охватывал его все сильнее. Прошлой ночью ему удалось поспать всего пару часов и причитания старого Ицека казались ему колыбельной.

Очнулся Мейше от ржания лошади. Пфефи бежала изо всех сил. Сзади, уже довольно близко блестели страшные и голодные волчьи глаза. Слава Богу, впереди виднелись огоньки трактира. Мейше взял пучек соломы, поджег его и бросил за сани. Волки остановились, но только пока горела солома. Свой бег они начинали осторожно, прибавляя уверенности и быстроты с каждым шагом. Так случалось каждый раз, когда на пути волков был огонь. Соломы в санях оставалось на пару раз. "Успеть бы добраться до трактира!" - судорожно думал Мейше, но у него не было времени посмотреть вперед. Когда кончилась солома, Мейше стал бросать просто горящие спички, но от них было мало толку. Вдруг волки остановились! Очевидно, они испугались сильного запаха дыма из трактира и криков людей, открывавших ворота.

3. Сейдер⁵

Это был пятый Сейдер в доме на улице Лай, который реб Мейше-Арон купил в 1923 году у сумасшедшего немецкого барона. Барон сходил с ума на окнах, они были до того огромными, что в них свободно могла въехать подвода. Дом находился в центре города, холодный и большой. Хотелось бы, чтоб все четверо своих детей и некоторые дети сестер умершей жены, жили под одной крышей. Рядом, в меньшем доме, был магазин, в нем же жил дворник с семьей.

По случаю Сейдера все дети собрались в Тарту. К сожалению, живет здесь только младший сын Руви (1913-1949). Каждый день ровно в семь часов все садятся ужинать. По традиции, даже дети, которым всегда некогда, должны были хоть присесть за стол. В доме постоянно живет несколько еврейских студентов да и другим бедным студентам найдется место за семичасовым столом.

Старшая дочь Антхен (1901?-1943?) уже замужем за директором "Двигателя" и живет в Таллинне. Младшая дочь Хана-Шейне (1908(1906)-1968) жила у нее во время учебы в гимназии. Сначала она училась в немецкой гимназии, где выдержала всего две недели. На устном уроке руки должны были быть за спиной, на парту их можно было класть только во время письменных уроков. На перемене следовало ходить в коридоре по кругу, в строгом темпе. Шейне перескочила через шестой класс в русскую гимназию. Учеба там была более чем соответствующей для нее. Во все государственные и протестанские праздники в школе не было занятий. Естественно, праздновались и все православные даты. Никто не протестовал и против ее отсутствия во время еврейских празднеств. Несмотря на постоянное отсутствие в школе, учителя переводили ее из класса в класс, учитывая ее большую одаренность. Так она в шестнадцать лет закончила школу и, не зная французского языка, но прекрасно владея латынью, отправилась учиться в Париж. Это было страшной тратой денег. Сначала она училась на биологическом факультете Сорбонны, что не подошло из-за необходимости препарировать лягушек, потом на историческом факультете. Года через полтора отец Мейше поехал проведать доченьку. Париж был хорошо знаком опытному купцу. И, как всегда, он не обращал внимания на всякие мелочи. Как-то в трамвае кондуктор что-то резко сказал ему по-французски. На что он незамедлительно ответил на идише.

⁵ порядок, установление торжественной трапезы и молитвы, посвященное выходу евреев из египетского плена, примерно 3300 лет тому назад

- Папа, как тебе не стыдно, он же не понял тебя, - сказала Шейне.

- Ну что же, - ответил отец, - я его тоже не понял, а теперь, доченька, если хочешь учиться, выбирай место поближе к дому.

Теперь она учит английский язык в Риге, но, наверняка, не закончит университет, поскольку собирается замуж за этого богатого Абку, которого взяла для показа на сейдер.

Старший сын Цви-Хирш (олень – древнеев.-нем.) (1904-1979) – химик, закончил Таруский университет, достойный продолжатель семейного дела, предводитель сионистской студенческой корпорации "Хасмонея", захвачен идеями Владимира Жаботинского и только и говорит о необходимости всем уехать в Эрец-Израэль. Даже сам Мейше-Арон подался на уговоры и согласился купить в рассрочку апельсиновую рощу под Хайфой. Младший сын, Рувим, очень способный, но что из него получится? Он как брат Борух – в голове только девченки.

Борух совсем спятил, когда влюбился в девченку. Жил бы тогда отец Абрам, показал бы этому сракуну надлежащее место. Но отец был уже "под крылами Шехины" и решение, как старшему брату, надо было принимать Мейше самому. Таки не оставалось ничего, как сказать: "Ты не женишься на этой, дать ему денег и отправить в Америку. Но любовь была так велика, что Борух выписал девицу за собой. На это Мейше сказал: "Боже мой, прости меня, но у меня нет больше брата." И это было слово мужчины! Но она вскоре умерла. "Боже мой, прости меня, первый и последний раз в жизни, я не смог сдержать данного слова" сказал Мейше и стал посылать брату деньги, когда пять, когда десять а когда и больше. Царские рубли были тогда очень крепкой валютой в Америке да и Борух не тратил их, а скупал землю. Теперь он миллионер, поменял имя на американское - "Камин". Два года назад приезжала в Тарту его жена Дороти с сыном Харри, но Маша (вторая жена Мейше) закрутила отношения таким образом, что несмотря на влюбленность Харри в Шейне, они вскоре уехали.

Да-а... время течет быстро. Это было как будто позавчера, когда после рождения младшего сына Руви, умерла его жена Зельма (Злата-Малка, урож. Клас-Глязь.1873-1913). Тогда надо было решать: "Оставаться ли в этой глуши Сейнах? Что тогда будет с детьми?" Уже раньше они думали с женой перебраться в Дорпат, да только удерживала "Черта оседлости" для Мейше. Тогда было решено – дети должны получить образование – и их отвезли в Дорпат к сестрам жены. К счастью семейство Клас-Глязь было большое и детей приняли с радостью. Мейше оставаться надолго в Дорпате не мог да посещать детей мог очень редко – законы не позволяли. Полицейские вынюхивали его, требуя каждый раз больших денег. Но денег всегда не хватало, и когда городской очередной раз стучался в дверь, приходилось Мейше бежать через заднюю дверь, через заборы, как вор, прочь из города. Прошло долгих три года пока Мейше не получил патент купца первой гильдии, показывая ежегодный оборот. Теперь путь был свободен, можно было перебираться со всем добром в Дорпат развернуть дело, купить фабрику и дом.

Но сегодня Сейдер, и в доме полно народу. Здесь сыновья и дочери, несколько студентов, пришли даже двое племянников: Яков Кропман, сын бывшего Тартуского равина, и его друг из Риги, Херман Шамес. Оба врачи и оба были добровольцами в Освободительной войне. Эти рассказы о войне текут как из рога изобилия, так что можно и за стол вовремя не сесть. Но Херман все рассказывает, как он после Октябрьского переворота попал к белогвардейцам. Казацкий атаман Буяк-Буякович неожиданно захватил Псков. Первым его приказом был: "Провизора ко мне". Можно только себе представить, насколько мокрыми были штаны Хермана, когда он предстал перед атаманом-наркоманом. "Ну жид, если не хочешь болтаться в петле, достанешь к вечеру десять ампул морфина. Это приказ," – сказал атаман. Херман же принес сорок ампул и сразу. Наутро его повели вновь к атаману. На сей раз уж точно повесят думал бедный Херман. Но атаман был до того доволен товаром, что, пребывая в сильном хмелю, произвел Хермана в капитаны Белой Гвардии, с получением соответствующего мундира, который он должен был сразу надеть, чтобы не сбежал, наверное. После этого, Херман не заставил себя долго ждать, тут же покинул Псков, воспользовавшись патентом

капитана, пробрался в Тарту. Херман посмеивается: "Прошу уважения, я единственный еврей-офицер Белой Гвардии."

Ну, наконец-то, свечи зажжены, можно начитать читать Тору... Но опять эти мальчишки хихикают. "Рувка, Арошка - wo halten wir⁶?-прогремел Мейше-Арон во главе стола. "К чему приведет эта дружба с талантливым музыкантом Ароном? Его сестра, Зелма (1918), названная в честь покойной жены, еще талантливее - вундеркинд. В четыре года она играла уже очень серьезные произведения, а в шесть стала давать концерты. Ну, Слава Богу, теперь идет все, как полагается".

4. Загадка

Я страшно боялся дедушку. Когда он приезжал к нам, я забирался в маленькую, заднюю комнату или держался за мамину юбку. Я не понимал, что дедушка говорит. Это была какая-то смесь идиша, русского и польского языков. Мне постоянно нужна была мамина помощь, чтобы общаться с ним. Но точно помню, что он ни разу не назвал меня "сракуном", даже когда я стал целиться в него своим детским ружьем. Дед просто пошел в кухню и только пожаловался(!) маме.

Дед ел только своим перочинным ножиком, охал по поводу каждой подаваемой мамой тарелки. "Это не кошер, то не верно". Слава Богу, он не застал у нас Новогодней елки, а то дядя Цви получил такой разнос, что зарекся приглашать к себе деда под Новый Год.

Вечерами дед зевал, издавая при этом такой львинный рык, что у меня по телу пробежали холодные мурашки. Но страшнее всего было, когда дед молился. Он завязывал на руку и на голову странные ремни с коробочками, до которых, Боже упаси, я не имел права дотрагиваться. А было до боли интересно, что там в нутри, в коробочках. И в таком страшном виде дед ходил по комнате и самозабвенно бормотал, и бормотал, что-то непонятное и жуткое. Это было страшное зрелище: высокий старик с горбатым носом, на голове вечно серая кепка, ходит по комнате туда, обратно и говорит сам с собой иногда останавливаясь, заглядывая в книгу. Для меня это было до того непонятно и жутко, что когда мамы не было дома, я убежал на улицу. Но самое непонятное было то, что я не имел права болтаться под ногами деда, говорить с ним да и, вообще, мешать ему.

У меня возникала куча вопросов, на которые мама должна была отвечать.

- Почему мне нельзя говорить с дедушкой?
- Дедушка молится, ему нельзя мешать.
- Что значит молиться?
- Молиться – это значит, что он просит Бога, чтобы мы все были здоровы, чтобы папа скоро вернулся из лагеря домой, чтобы Илон учился хорошо и ты слушался бы маму.
- Мама, а кто это Бог?
- Бог... Ну это... тот, кто все видит, все знает, кто хороший или плохой мальчик или человек. Он всесильный, он везде властвует над миром, он помогает хорошим и наказывает плохих.
- А как может один человек быть везде и все видеть?
- Ну... Бог это не человек, ну как тебе это сказать... Это философия, это дух, это мысль. Он все, что нас окружает, он весь мир, он все.

⁶ дослов. где мы держим- нем., здесь- где мы читаем. Со слов Арона Тамаркина (1915-1969)

- И дедушка разговаривает с Богом?

- Да.

- А что Бог говорит дедушке?

- Это дедушкина тайна. Но ему нельзя мешать во время молитвы, иначе нам всем может не сдобровать.

От всего этого у меня возникло еще большее чувство страха.

Мне было пять-шесть лет, когда мама должна была поехать в Тарту. Мама работала тогда в филармонии, вернее – администратором цирковой труппы "Шапито". В Тарту мы ехали на грузовой машине, полутоннажке Газ, мы с мамой в кабине, остальные – в кузове. После того, как было найдено место для установки "Шапито", когда стали распаковывать реквизит, мама отвела меня к дедушке, на улицу Каштани. Там я должен был находиться весь вечер, пока мама с братом не придут после представления. Брат подрабатывал в труппе ассистентом и был очень горд этим.

Это был страшный вечер. Дедушка молился и зевал, как лев. Мамина мачеха Маша мною не интересовалась. Было страшно и скучно. И я решил пойти к маме в "Шапито". Потеряться я не боялся: ведь Бог скажет дедушке, где я нахожусь. Но на этот раз Бог сказал про меня маме. Я не успел отойти далеко, как увидел, идущую навстречу маму. Я наверняка бы потерялся в чужом городе, если бы мамино сердце не подсказало ей и она не решила в свободную минуту провести меня.

Однажды я уже устроил такую штуку, когда в Вильянди, будучи со знакомыми у озера, решил пойти к маме. Я знал только, что труппа остановилась в театре "Угала"(старое здание). Так я и пошел, спрашивая на каждом углу, где находится театр Угала. Люди качали головой, видя черноголового пятилетнего мальчика, ищущего в чужом городе театр Угала. Я помню ясно до сих пор, как одна женщина, с белоголовой девочкой примерно моего возраста, покачала головой и сжала руку девочки еще сильнее.

Но более всех была удивлена моя мама, которую при виде меня, одинешенько странствующего в чужом городе, да еще целым и невредимым, чуть не хватил обморок.

Ночь у деда была страшной. Я заснул под утро, когда мама и брат давно пришли. Проснулся я к полудню. Мой братец, который старше меня на семь лет и который знает все в каждом городе, успел подчистить тартуские сады и принес сливы. О чем с гордостью заявил, как только я открыл глаза. Я никогда в жизни не видел таких слив: большие, с яйцом, нежно зеленого цвета, три или четыре штуки, манящие, лежали в тарелке на обеденном столе дедушки. "Жаль, что они ворованные и их нельзя есть"- думал я. Дедушка же, закончив еду, принялся своим перочинным ножиком разрезать сливы и начал их есть мелкими дольками.

"Ой, что теперь случится? Что теперь будет со всеми нами? Это должно быть очень, очень страшное... Как же дедушкин Бог не видит, что сливы ворованные? Как дедушка может их есть? Или Бог, который все видит и все слышит, не говорит ему, что сливы из чужого сада? Что же случилось?"